

Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН

Предисловие, транскрипция, перевод
с монгольского языка, примечания *Д.А. Носова*

Исследователи монгольского фольклора в последнее время все чаще обращаются к архивным и рукописным материалам по устному народному творчеству. Приведенная рукопись является одной из ранних записей кумулятивной сказки «О старике Боронтае». Это широко распространенное среди монгольских народов произведение много раз фиксировалось фольклористами в ходе полевой работы. Транскрипция и перевод текста, записанного старомонгольской графикой на базе уйгурского алфавита, публикуются впервые.

Ключевые слова: монгольские рукописи, фольклор, сказки, кумулятивные сказки.

В последние несколько десятилетий стремительно развивается методология фольклористических исследований. В нее активно включаются принципы работы антропологов, социологов и представителей других наук. Одновременно во всех регионах мира происходит процесс трансформации и угасания традиций исполнения произведений устного народного творчества. Это заставляет специалистов все чаще обращаться к архивным и рукописным фондам, содержащим ранние записи подобных текстов. Одним из таких хранилищ является рукописный фонд ИВР РАН, в котором в том числе содержится крупнейшая в Европе коллекция монгольских рукописей и ксилографов. Находящиеся в ней тексты монгольских, ойратских и бурятских сказок являются ценным источником для изучения фольклорных нарративов монгольских народов, бытовавших во второй половине XIX — начале XX в.

Имеющиеся в рукописном фонде ИВР РАН три списка монгольских сказок относятся к разным коллекциям — А.М. Позднеева¹ (1851–1920), Казанской Духовной академии (далее — КДА) и Д.А. Алексева². Все они поступили в Петроград/Ленинград между 1920 и 1947 гг. Это материалы разного формата, от 2 до 65 листов, содержащие сказки на различные сюжеты. Все рукописи оставались не опубликованными до настоящего времени. Их введение в научный оборот позволит значительно дополнить наши представления о сюжетах и поэтической системе нарративов данного жанра, бытовавших у монголов на рубеже XIX–XX вв.

¹ Позднеев Алексей Матвеевич — российский монголовед, профессор. Исследователь литературы, истории, религии, этнографии монгольских народов. Выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Впоследствии стал его профессором. Один из основателей Восточного института во Владивостоке. Приобретенные им рукописи и ксилографы хранятся в библиотеке Восточного факультета СПбГУ и Отделе рукописей и документов ИВР РАН. Его коллекция поступила в Азиатский музей между 1920 и 1925 гг. и насчитывает 413 единиц хранения (Сазыкин, 1988, с. 13).

² Алексеев Дмитрий Адрианович — советский монголовед-филолог. С 1938 по 1940 г. — аспирант ИВ (г. Ленинград). С 1945 по 1948 г. — докторант ИВ и преподаватель ЛГУ. С 1949 г. — заведующий кафедрой монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ. Коллекция Д.А. Алексева, включающая 13 единиц хранения, поступила в ИВ в 1947 г. (Сазыкин, 1988, с. 16–17).

Мы выбрали к публикации небольшую рукопись, находящуюся в монгольском фонде Отдела рукописей и документов ИВР РАН под шифром D 114, написанную старомонгольским алфавитом. Она занимает два листа русской синей бумаги размером 17,5×21,5 см, составляющие один разворот. Текст размещается на трех страницах, написанных пером и черными чернилами. Максимальное количество строк на одной странице — 18 (Сазыкин, 1988, с. 45).

На рукописи также имеются пометки, поставленные при инвентаризациях 1929 и 1962 гг. Присвоенный в 1929 г. шифр — КДА, 328 (Там же) — свидетельствует о том, что она принадлежит к большой коллекции, поступившей в Азиатский музей в 1927/28 г. из библиотеки бывшей Казанской Духовной академии.

Данное учебное заведение готовило миссионеров для проповеди православия среди народов России, исповедовавших буддизм и ислам. При этом его воспитанники наряду с изучением языков этих народов осваивали и теологические основы их верований. Многочисленные выпускники КДА снабжали книгами на монгольском, калмыцком и тибетском языках ее библиотеку с середины XIX в. вплоть до закрытия академии в 1920 г. (Успенский, 1994, с. 15). Материалы поступали не только из регионов России, населенных калмыками и бурятами, но и из Монголии и Китая, где их приобретали преподаватели. С целью лучше изучить разговорный язык, необходимый для проповедей, сотрудники КДА приобретали как религиозную, так и иную литературу. При этом они отдавали предпочтение современным им произведениям, в том числе художественным. Как показывает содержание коллекции, их внимание привлекло и устное народное творчество.

Рукопись не имеет названия, но ее содержание возможно определить по первой строке. Так же она озаглавлена и А.Г. Сазыкиным³ (1943–2005) в каталоге монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН: “*erte čag-tu nige borontai ebügen geji yabuba*” (Сазыкин, 1988, с. 45). Это стандартный зачин монгольской сказки, его перевод: «Давным-давно жил старик по имени Боронтай». К сожалению, в Ленинград из Казани были перевезены лишь материалы на монгольском языке, но не описи к ним. Поэтому мы не можем на данный момент точно датировать рукопись и определить место ее записи.

Сравнительный анализ содержащегося в рукописи сюжета с публикациями XIX–XX вв. позволил найти соответствия в фольклоре монгольских народов. Перед нами ранняя запись широко распространенной сказки «Небывалый старик Боролзой». Исследователь монгольского фольклора Д. Цэрэнсодном при подготовке академического свода произведений этого жанра отнес ее в разряд волшебных и богатырских (Монгол ардын үлгэр, 1982, с. 81–83). Изучение структуры произведения показало, что оно относится скорее к кумулятивным, нежели волшебным сказкам. Отнесение такого рассказа Д. Цэрэнсодномом к волшебным сказкам объясняется тем, что исследователь обращал внимание на манеру его исполнения. Подобные повествования рассказывались спокойным стилем, характерным для разных типов сказок и эпоса. Исследователь русского фольклора В.Я. Пропп (1895–1970) назвал их эпическими кумулятивными сказками. Такие повествования, построенные по формульной цепевидной схеме, могут принимать как прозаическую, так и стихотворную и даже песенную формы (Пропп, 1976, с. 244).

Структура повествования рассматриваемого произведения уникальна. Она состоит как бы из двух кумуляций. В первой части героя постоянно атакуют с каждым разом все более сильные враги. Однако ему при помощи своих способностей удается побе-

³ Сазыкин Алексей Георгиевич — отечественный монголовед. С 1971 г. — сотрудник ЛО ИВ. В 1988–2003 гг. опубликовал трехтомный «Каталог монгольских рукописей и ксилографов ЛО ИВ АН СССР».

дить противников. Во второй части разворачивается диалог между главным персонажем и Хормустой-тенгри⁴. Беседа строится на обвинениях и их опровержении. В этой кумуляции старик каждый раз опровергает обвинения при помощи хитрости. Ниже дано краткое изложение сюжета, приведенного в публикации Д. Цэрэнсоднома. Изданный исследователем текст является сводным, он составлен на основании двух ранее опубликованных вариантов произведения (Монгол ардын үлгэр, 1982, с. 334):

У овцы старика Боролзоя рождается белоснежный ягненок. Он решает принести его в жертву Хормусте-тенгри. ||: Ворон Хормусты-тенгри выкалывает ягненку глаза. Боролзой в отместку вырывает ворону клюв. Хормуста-тенгри посылает волков, чтобы те съели летучего серого коня Боролзоя. Тот подменяет его обычным конем и натягивает волкам шкуры на морды. Хормуста-тенгри посылает двух своих демонов, чтобы убить старика. Старик ошпаривает им лица. Хормуста-тенгри посылает двух драконов, чтобы испепелить старика. Старик прячется, затем догоняет драконов и отрубает им хвосты.: || Хормуста-тенгри сам решает встретиться со стариком. Старик прибывает к нему, и Хормуста-тенгри задает ему вопросы. ||: Зачем тот вырвал ворону клюв? Зачем натянул волкам шкуры на морды? Зачем ошпарил лица двум демонам? Зачем тот отрубил хвосты двум его драконам? Старик последовательно отвечает.: || Хормуста-тенгри отпускает его⁵.

Краткий пересказ текста рукописи D 114 из коллекции ИВР РАН таков:

У овцы старика Боронтая рождается белоснежно белый ягненок. Он решает принести его в жертву Хормусте-тенгри. ||: Два ворона Хормусты-тенгри выкалывают ягненку глаза. Старик Боронтай в отместку вырывает воронам клювы. Хормуста-тенгри посылает двух своих волков, те съедают плохого сивого коня старика, и он натягивает им шкуры на морды. Хормуста-тенгри посылает своих семерых чертей, которые прокалывают стену юрты старика, и тот в отместку выкалывает им глаза. Хормуста-тенгри посылает Тенгри⁶-громовержца, тот сжигает холм, на котором живет старик, и Боронтай разрубает ему в отместку икроножную мышцу.: || Хормуста-тенгри сам решает встретиться со стариком. Старик приветствует гостя, и Хормуста задает ему вопросы. ||: Зачем он вырвал воронам клюв? Зачем он натянул волкам шкуры на морды? Зачем он выколол глаза семерым чертям? Зачем он разрубил икроножную мышцу Тенгри-громовержцу? Старик последовательно отвечает, и каждый раз Хормуста-тенгри соглашается с его правотой.: || Хормуста-тенгри дарует старику Боронтаю богатство и многодетность.

Сюжет «О старике Боронтае» распространен не только у халхасцев⁷, но и у других монгольских народов. Его вариант под названием «Старик Хоредой» был записан М.Н. Хангаловым⁸ (1858–1918) у балаганских бурят⁹ Иркутской области. Текст выдержал три издания: в сборнике «Бурятские сказки» серии «Записки ВСОРГО по этнографии» в Иркутске в 1889 г. (Хангалов, 1889, с. 4–6), в собрании сочинений ученого в 1960 г., где он был отнесен к шаманским легендам (Хангалов, 1960, с. 35–37),

⁴ Хормуста-тенгри — в фольклоре монголов: верховное божество, правитель мира.

⁵ В данном описании кумуляция вставлена в знаки повторения ||: ||, заимствованные В.Я. Проппом из нотной грамоты (Пропп, 1976, с. 249).

⁶ Тенгри — в фольклоре монголов: божество.

⁷ Халхасцы, халха-монголы — этническая группа северных монголов, составляет большую часть населения Монголии.

⁸ Хангалов Матвей Николаевич — бурятский фольклорист-этнограф и просветитель, исследователь бурятского шаманизма.

⁹ Балаганские буряты — представители балаганской, или унгинской, этнотерриториальной группы бурятского народа, расселенные в долинах р. Унги и ее притоков, в среднем течении Оки, а также по западному берегу Ангары (Буряты, 2004, с. 50) на территории современной Иркутской области РФ.

и в сборнике бурятских народных сказок, опубликованном в 1990 г. (Бурятские народные сказки, 1990, с. 65–66). Вот краткий пересказ этого варианта:

Два ворона выклевывают глаза у ягненка старика Хоредоя. ||: Он вырывает у них по одному глазу и вставляет их ягненку. Вороны жалуются Эсэгэ-малану¹⁰. Волки съедают хромого жеребца — старик снимает с них шкуры. Волки жалуются Эсэгэ-малану. Старик окропляет девять шулмусов¹¹ кипятком. Шулмусы жалуются Эсэгэ-малану.: || Эсэгэ-малан прибывает к старику Хоредою и расспрашивает его о том, зачем он ||: выколол глаза воронам; снял шкуру с волков; ошпарил шулмусов. ||: Старик обстоятельно отвечает, Эсэгэ-малан остается доволен его ответами и покидает старика.

Данная сказка интересна тем, что обнаруживает тип кумуляции, не описанный В.Я. Проппом в перечне кумулятивных сюжетов, характерных для русского фольклора. По количеству имеющихся записей этот рассказ входит в число наиболее устойчивых и широко распространенных среди монгольских народов. Рассматриваемая рукопись является, вероятно, одной из самых ранних фиксаций истории «О старике Боронтае» у монголов.

Ниже приведены транскрипция и перевод рукописи.

Транскрипция рукописи D 114

Лист 1а:

- [1] erte čag-tu nige borontai ebügen geji yabuba. Tere sayin boru
- [2] mori maγu boru mori qoyar-tai : 10 boru qoni agsan aji
- [3] maγu boru mori-bar nigen edür boru qoni-ban qariγulji yabun-
- [4] atalan 10 boru qoni yaγ-a jaγ-a qaljan boru qoni-ača <ere> qaljan čayan
- [5] quriγ-a törüleküi; ebügen bi quriγ-a-yi qormusta tngri-
- [6] degen ergümüi kemen yekede bayarlaji : busu qoni-ban bučaγuqui-yin
- [7] jaγura 2 qong keriy-e ireji tere kü quriγ-a-u 2 nidün-i maltajaqui
- [8] ebügen tegüni üjeged maši yeke qumuduju : jigürten-i güyceden[=g]
- [9] sayin boru mori-ban unuju tere kü 2 qong keriy-e-yi bariju nidün-i
- [10] maltatai amitui tabiba : tere kü 2 keriy-e anu qormasta tngri-dür
- [11] očini ebügen-i mörgübei : qormasta tngri 2 činu-yi borontai ebügen-ü
- [12] jigürten-i güycedeg sayin boru mori-yi idegtün kemen jakiji ilegebei
- [13] ebügen 2 činu-a ireji sayin boru mori-yi ideküi-i jöng bilig-iyer
- [14] medeged : sayin boru mori barilyadaq yaγar-a maγu boru mori-ban
- [15] bayilyaji : sayin boru mori γadan-a tabiba 2 činu süni ireji
- [16] maγu boru mori-yi idesüküi : ebügen sayin boru mori-bar 2 činu-a-yi
- [17] güičeji buyiyad : arisu-yi bügsen-eče bitekü ebčiji toloyai-tu-i
- [18] toryuji amitui tabčuqui : 2 činu-a qormasta tngri-yi očiju

Лист 1б:

- [1] ayiladyaba : qormusta tngri ayurlaju 7 čidgür-i borontai ebügen-i
- [2] alaytun kemen jakiji iledkebe : ebügen mön tede-i ireküi-yi medeged :
- [3] ger-ün edüge-ben qayačji : yeke toyon-dur morin-u qubaqai arayal-i usun-
- [4] tu bučlayayad : örgüsütei qarayana-a-bar biyinaγ buquγad bayitala :
- [5] 7 čidgür ireji ger-i anu čyulaji sayayaji bayiqui-tur ebügen
- [6] bučalagsan arayal-ača bayinaγ-iyar keyigsen-tür 7 čidgür-ün nidün anu

¹⁰ Эсэгэ-малан-тенгри — в фольклоре бурят одно из верховных божеств.

¹¹ Шулмус — здесь «черт, демон».

- [7] tasqurba gekü : tede mön qurmasta-dayan ayiladqaysan-tu : buri
 [8] yeke aqurlaǰu : nirgeden tngri-yi borontai ebügen-i nirgi kemen
 [9] ĵakiǰi ilegebi : borontai ebügen tegün-i medeged : sayin mori-ban
 [10] unuǰi sayadaǰ umar-ban angsaǰi : sarun čayin selmen-ben ĵegüǰü
 [11] bolǰoǰ-tu-yin boru toloyai-du bayiǰaqui teyitele nirgedeg
 [12] tngri ireǰi nirgeküi-dür sayin boru mori-bar deb geǰi qarqui-dur
 [13] boru toloyai-yin kemke nirgeǰüküi : nirgede tngri-yin gün-ün
 [14] bolčin-i borontai ebügen selmen-ber tasu čabčiči gemüi nirgedeg
 [15] tngri anu mön qormusta tngri-du ayiladqaba qormusta anu
 [16] bi über-e üǰeǰi tegün-ü ĵob buruǰu-yi šigüsügei geküi-yi ebügen
 [17] medeged 10 boru qoni <нрзб.> yaǰ-a ĵaǰ-a qalǰan borulan qoni alaǰu
 [18] čeberken bolǰuǰi čaqan tuluq debsger debsün : eldeb idegen

Лист 2а:

- [1] amtan-u degeǰi beledüged qurmasta tngri ireǰi mini ĵadqaylal
 [2] soyurqa kemen ĵalbarin mörgüǰi bayital-a qormasta irgeged : ĵ-a ebügen
 [3] 2 keriy-e-ü mini nidün yaǰun-tu maltaba gebe : qormasta tngri-tan dayan
 [4] bariqu kemen bayarlaǰi bayigsan qalǰan čayan quriyan-u mini nidün maltaǰsan-
 [5] du qumuduǰad maltalai bi gebe : tere činu ĵob : 2 činu-ǰ-u arasu-yi
 [6] ĵaqun-tu amitui-bar ebčige gebe : 10 boru qoni-bar qariǰuladaq maǰu
 [7] boru mori-yi-ban idegsen-dü ǰomuduǰi tegsleb bi gebe : tere čini ĵob :
 [8] 7 čidgür-ün nidü-yi yaǰun-du tasulaba gebe : namayi-yi alaqu-bar <нрзб.>
 [9] alan ügei em ür-e-yin mini toloqai-ban qayaǰi sayuqu ger-i
 [10] mini čuǰuluǰsan-du aǰurlaǰi tegšileb gebe : tere čini basa ĵob :
 [11] nirgeden tngri-yin bolčin yaǰun-du tasu čabčiba gebe : namai-yi
 [12] nirgen ügei 10 boru qoni-u mini iredeq boru toloyai nirgegsen-tü tegsleb
 [13] bi gebe : borontai ebügen-ü buruǰutai biši aǰi : ür-e-ber čini bayan önör
 [14] boltuǰai geǰi ayiladaǰad bučaǰi : ebügen yeke bayan önör bolǰi
 [15] ĵaryaba gekü :

Перевод текста рукописи D 114

Давным-давно жил старик по имени Боронтай. Были у него хороший сивый конь и плохой сивый конь [и] 10 сивых овец. Однажды, когда старик пас 10 своих сивых овец на плохом сивом коне, у узорчатой белой овцы со светлой мордочкой родился светло-белый ягненок. Старик очень обрадовался и сказал:

— Я преподнесу ягненка в жертву своему Хормусте-тенгри.

Пока он возвращался со своими овцами, прилетели два ворона и выклевали ягненку глаза. Старик, увидев это, сильно разозлился, с помощью своего хорошего серого коня, обгоняющего птиц, схватил воронов, выколол им глаза и отпустил. Эти два ворона пришли к Хормусте [и] пожаловались на старика. Хормуста-тенгри отправил двух волков, приказав [им]: «Съешьте хорошего сивого коня старика Боронтая, который догоняет пернатых». Старик, почувствовав, что идут два волка, чтобы съесть хорошего сивого коня, поместил плохого сивого коня на то место, где обычно помещал хорошего сивого коня, [а] хорошего сивого коня оставил снаружи. Ночью пришли два волка, съели плохого сивого коня. А утром старик на своем хорошем сивом коне нагнал двух волков и, полностью содрав [их] шкуру с задней части тела, пришив [ее] на живую нитку к голове, отпустил их живыми. Два волка отправились к Хормусте-тенгри [и обо всем ему] поведали. Хормуста-тенгри разозлился и отправил семе-

рых чертей, приказав [им] убить старика Боронтая. Старик, узнав о том, что они идут, закрыл дверь своей юрты [и] стал варить в большом котле сушеный лошадиный аргал¹² и помешивал его палкой из караганы¹³ с колючками. Когда семь чертей пришли и стали наблюдать, [при этом] проткнув [дырку в стене] его юрты, то старик ткнул [их] палкой из варившегося [в котле] аргала и проткнул глаза семерым чертям, говорят. Когда они также доложили об этом Хормусте, то он разозлился еще сильнее и отправил Тенгри-Громовержца, велел ему поразить старика Боронтая молнией. Старик Боронтай узнал об этом и, оседлав своего хорошего коня, поехал на север, пристегнув свой коралловый меч. Когда Тенгри-Громовержец испепелил всё, что было на том самом сером холме, [старик] немедленно прискакал на своем хорошем сивом коне и полностью разрубил до кости икру Тенгри-Громовержца, который полностью испепелил серый холм, так говорят. Тенгри-Громовержец также доложил об этом Хормусте. Когда старик узнал о том, что Хормуста сказал: «Я сам посмотрю и выясню, правда это, или нет», тогда десять серых овец <нрзб.>, убив узорчатую белую овцу со светлой мордой, подстелив очищенную белую подстилку, приготовив различные наивкуснейшие яства, молился, говоря:

— Соизволь прийти, Хормуста-тенгри, соизволь.

Хормуста-тенгри, придя, [спросил]:

— Ну, старик, зачем ты выколол глаза двум моим воронам?

— Хормуста-тенгри, когда моему сивому ягненку со светлой мордой, которого я собирался преподнести вам, выкололи глаза, [то я] обиделся и выколол [им глаза].

— В этом ты прав. Но зачем [ты] заживо содрал кожу с двух волков? — спросил [Хормуста-тенгри].

— Когда съели моего плохого сивого коня, на котором я пас десять сивых овец, то я разозлился и ответил им, — сказал [старик Боронтай].

— И в этом ты прав.

— Когда они, попытавшись убить меня, не убили, сняв головы с моих жены и детей, проткнули мою юрту, в которой [я] сидел, прятав свою голову, то [я], разозлившись, [так] дал сдачи, — сказал.

— В этом снова ты прав. Зачем же ты разрубил мышцу Тенгри-Громовержца? — спросил.

— Это я отомстил за то, — ответил [он], — что, когда, не сумев поразить молнией меня, он ударил в серый холм, по которому шли десять моих сивых овец.

— Вины старика Боронтая нет. Да станешь ты богатым и многодетным! — так молвив, отправился назад.

Старик, став богатым и многодетным, зажил счастливо, [так] говорят.

Литература

Бурятские народные сказки. М., 1990.

Бурятские сказки и поверья, собранные Н.М. Хангаловым, о. Н. Затопляевым и другими. Записки Восточно-Сибирского Отдела Императорского русского географического общества. Т. I. Вып. 1. Иркутск, 1889.

Буряты. М., 2004.

Пропт В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и киелографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М., 1988.

¹² Аргал — сухой помет скота. В Монголии используется как топливо.

¹³ Карагана (лат. *Caragana*) — род кустарников из семейства бобовых.

Успенский В.Л. Монголоведение в Казанской Духовной Академии // *Mongolica-III*. Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX в. СПб., 1994. С. 11–17.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. III. Улан-Удэ, 1960.

Монгол ардын үлгэр (Д. Цэрэнсодном эмхтгэв). Улаанбаатар, 1982.

Summary

Manuscript of Mongolian Folktale

A Tale of the Old Man Borontai from IOM, RAS Collection

Foreword, Transcription and

Translation from Mongolian by *D.A. Nosov*

Manuscripts and archival materials are used by Mongolists in their research work on Mongolian folklore. Still, manuscripts collections in Asia and Europe contain much data still to discover. The manuscript in question is probably one of the earliest variants of the Mongolian folktale “of the old man Borontai”. This cumulative story is widely spread in Mongolia and Buryatia. Its oral version is well known to folklorists. The manuscript, transcribed and translated into Russian, is the first version of the tale written down in Mongolian-Uyghur script.